

И все же цыганка сказала правду

ТАИНСТВЕННЫЕ ИСТОРИИ

26
2023

Из первых рук

Чудеса,
да и только!

- ☀ Зеленые человечки
Разля
- ☀ Идеальный ребенок
- ☀ Женщина, которую я ненавидела

www.podpiska.pochta.ru
Наведите камеру
смартфона на QR-код

Оформите
подписку

П1389

16+

Зловещий подарок

Идеальный ребенок

Друзья, мы выбрали эту историю не только потому, что она и правда таинственная. Но и потому, что речь идет о ребенке. Талантливом и необычном. Его превращение в «обыкновенного человека» очень метафорично. Так любой из нас, сталкиваясь с довольно жестким и порой жестоким миром, теряет свою идентичность. Свою невинную детскую душу...

«**М**оя племянница Вера была идеальным ребенком. Все так считали. Правда, это была образцовая девочка! С самого раннего возраста. Не помню, чтобы она когда-нибудь шалила, устраивала истерики или просто капризничала. Ласковая, послушная девочка, она охотно шла на контакт с новыми людьми, а с детишками вообще была ангелом. Готова была раздать все свои игрушки, утешить любого плачущего малыша.

С первого по четвертый класс она была отличницей. Читать начала еще до школы и в свободное время вечно сидела с толстой книгой. Мне кажется, что таких правильных детей моя сестра с мужем вообще не заслужили. Никак не могу назвать их образцовыми родителями. Нет, они не из пьющих и не из тех, кто не замечает отпрысков, как мебель... Они по-своему любили Веру, конечно! Заботились о ней. Вкусно накормить, чистенько одеть — это для моей сестры святое. Но им неважно было, чем занята ее головка, о чем дочка размышляет, к чему проявляет способности... Я иногда говорила им:

— Да у вас вундеркинд растет!

— Это все временно! — отмахивалась сестра. — Дети меняются!

О, я не преувеличиваю насчет вундеркинда. Вера занималась музыкой, по отзывам ее учительницы, успешнее всех в музыкальной школе, писала стихи, причем с 7 лет. И знаете, я однажды нашла листочек, на котором ее неровным детским почерком было записано четыре строки, так я чуть не расплакалась. Откуда в такой малышке — ей было 9 лет на тот момент! — такие чувства? Я помню это четверостишие наизусть:

*Детские качели вверх летели,
Пели птицы и цвели цветы...
Мы, конечно, вечно жить
хотели...*

И шептали губы: «Только ты...»

Представляете, девочка в 9 лет о своей первой любви пишет?! Вообще-то она обычно никому не показывала свою тетрадь со стихами. А родители ее — я же говорю, они ее не заслужили! — вовсе не придавали этому значения. Они и не заглянули ни разу в ее дневники. Сестра моя не из тех, кто ставит дочку перед гостями и хвастается ее талантами. А муж ее считал, что это все полная ерунда: надо уметь что-то такое делать, что деньги принесит! А стихи... Зачем они? За них не платят!

И вот эта удивительная девочка, в которой я не чаяла души, однажды пропала. На сутки. Просто исчезла, гуляя во дворе. Ей было 10 лет. И конечно, все кинулись искать ее. Как далеко ее родителям те 24 часа, страшно представить! Мы все сбились с ног, разыскивая Веру. Хотя полиция уверяла, что у них своих сил хватит. Всю ночь мы бегали по городу, по ее одноклассникам, по подвалам... На сестру мою я даже боялась смотреть, думаю, что она посидела за те сутки. А муж ее просто рыдал не переставая и все твердил: «Убью его!» Это он про педофила, который, по его мнению, увел девочку со двора...

На следующий день — ровно в тот час, когда ее хватились накануне, — Вера сидела на лавочке у подъезда. Около 5 часов вечера. Как ни в чем не бывало. Чистенькая, без каких-либо повреждений... И как сказали потом врачи и психологи, она не подвергалась за эти сутки никакому насилию. Мы выдохнули: «Слава богу!» Но где же она была?! Девочка ничего не помнила. Не сказала ни слова о том,

как провела ночь. Где? С кем? Она вообще неохотно общалась с нами. Даже к родителям отнеслась как-то холодно. Психолог сказала: «Это шок! Возможно, временная амнезия. Ждите, пройдет!»

Но это не прошло. Никогда (а с тех пор уже лет 15 пролетело!) Вера не рассказывала о той ночи. Ни слова! Сколько бы ее ни пытались спрашивать, она морщилась и твердила: «Ничего не помню!» Но главное, что она совершенно изменилась с того дня. Стала замкнутой, раздражительной и иногда даже агрессивной. С учебой у нее начались проблемы — едва-едва тянула минимум. А поэзию вообще забросила. Никогда я больше не видела ее с книгой, а все тетради, куда она записывала прежде свои стихи, пропали. Загадочным образом просто исчезли. Сестра моя подозревала, что Вера их уничтожила — выбросила в мусорный бак. Но зачем?!

Моя племянница стала обычным ребенком. Подростком, у которого в ушах всегда эти мерзкие затычки-наушники, в них гремит музыка, и не Моцарт, конечно. Она смотрела на нас, взрослых, с холодным презрением: мол, с вами не о чем говорить. А уж учеба — это последнее, о чем у нее теперь болела голова...

Она и сегодня так живет: работает в косметическом салоне, коротает вечера с подружками, семьи нет. И увы, по-моему, она выпивает...»

Ирина К., г. Тюмень

Что ж, история грустная. Давайте надеяться, что в наших собственных детях не умрут так же внезапно открытость миру, поэтический дар, нежная тяга к прекрасному... Давайте беречь это! И смотреть на это как на главный подарок судьбы.

И все же цыганка сказала правду

Она шла за мной долго. Я заметила ее боковым зрением. Сначала на Прибрежном, потом на Флотской, и на Беломорской она снова попала мне на глаза. Я с усмешкой заткнула свой внутренний голос, тревожно шептавший: «Она тебя преследует!» — «Какая глупость!» — ответила я своей панике. — Просто идет по своим делам по моему маршруту».

Я-то собственно шла проведать маму, у нее третий день была высокая температура, и я занесла ей лекарства и продукты. Из окна ее кухни я снова увидела ту женщину — она сидела на лавочке во дворе. «Да что ж такое! — уже забеспокоилась я. — Это едва ли случайно». Спустившись, я смело подошла к ней, на ходу придумывая, что скажу, и вдруг...

— Галя?! — у меня глаза полезли на лоб. — Что ты здесь делаешь?

— Жду тебя, — она улыбнулась. — Хотя все еще не была уверена, ты это или не ты.

Мы обнялись.

Галя — моя давняя подруга, вернее, самая близкая подруга юности, с которой мы не виделись 20 лет. Да, вот так. Расстались, когда нам не было 20, и... вот так странно встретились! Расстались мы нехорошо. Поссорились. И она исчезла. Просто уехала, не оставив адреса. А причина была такой дурацкой, даже стыдно рассказывать. Однажды мы с ней гуляли по ВДНХ — после второго курса университета, как раз отмечали сда-

чу сессии. И вдруг молодая цыганка схватила меня за руку, я даже вскрикнула от неожиданности. И заявила, указывая на Галку пальцем:

— Гони ее из своей жизни! Она уведет твоего мужа. Разрушит твою семью...

— Что?! — я даже сразу не поняла, о чем она.

— Что слышишь! Прогони ее, ей не место в твоей жизни! — цыганка с вызовом смотрела на Галку.

— Отстаньте! — выдернула я руку. — Она моя подруга! Все вы врете!

— При чем тут подруга?! — изумилась моей наивности цыганка. — Так написано на роду!

А Галка стояла, окаменев, и смотрела то на нее, то на меня испуганными красивыми глазами синего цвета. Цыганка пожалала плечами:

— Ну, смотри, не поверишь мне, не порвешь с ней — поздно будет!

Я подхватила растерявшуюся подругу под руку и потащила по аллее прочь от противной бабы. Впрочем, как я помню, цыганка была молода и как-то по-киношному красива. А Галя, словно под гипнозом, шла медленно и все повторяла: «Какая чушь!» Но дело в том, что случилось все это за пару недель до моей свадьбы. Я школьной скамьи была обручена (не гласно, а для себя и близких!) с мальчиком из моего класса. Пашка сделал мне предложение сразу после выпускного, но 2 года мы не могли сломить сопротивление родителей, однако теперь они махнули на нас рукой и даже обещали помочь с оплатой квартиры, лишь бы мы не бросили свои вузы. Я вдруг стала задумываться: «А что, если эта гадалка права? Что-то есть ведь в моей Гале неотразимое...» Я в общем-то слегка ревновала к ней Павла. Только она всегда подчеркивала, что он совсем ей не нравится. Она даже удивлялась, что я в нем нашла.

И вот после встречи с той странной цыганкой я все чаще стала задумываться...

Однажды мы с ней гуляли по ВДНХ — после второго курса университета, как раз отмечали сдачу сессии. И вдруг молодая цыганка схватила меня за руку, я даже вскрикнула от неожиданности. И заявила, указывая на Галку пальцем: «Гони ее из своей жизни! Она уведет твоего мужа. Разрушит твою семью...» — «Что?!» — я даже сразу не поняла, о чем она. «Что слышишь! Прогони ее, ей не место в твоей жизни!» — цыганка с вызовом смотрела на Галку.

мываться, а не игра ли это? Может, они за моей спиной... «Да нет, — сама себе возражала я. — Галя не способна на такое...» Однако Пашка всегда на нее смотрит с восхищением. Впрочем, как все мужики. Галка, надо признать, очень красивая. Загораживающе красивая. Словом, я сама себя накрутила и устроила ей допрос. Вытаращив глаза, Галя слушала меня, и лицо ее искажалось гневом: «Как ты могла?! Поверить в такое? Ты же моя лучшая подруга!» Она убежала, и больше я ее не видела. Вот представьте, 20 лет!

Она не пришла на мою свадьбу, а должна была стать свидетельницей, и вообще исчезла из виду. Я однажды пошла к ее родителям, решив все же положить конец нашей ссоре, но ее мать холодно сообщила мне, что Галя уехала из Москвы и запретила давать ее адрес и телефон. «Ах так! — взбеленилась я. — Будь потвоему! Вычеркиваю тебя из моей жизни!»

И вот теперь, через 20 лет, даже больше, она сидит у подъезда моей матери, а я едва ее узнаю. Нет, она все так же красива, но такая взрослая! И совсем другая... «Послушай, идем ко мне, если ты свободна! — я сжимала ее руку, боясь, что она опять исчезнет. — Муж в командировке. Посидим поговорим, нам ведь есть о чем поговорить... Правда?»

Она радостно согласилась, мы пришли ко мне и, открыв бутылку «Пино Гриджио», уселись, как в юности, с ногами на диван. Мы болтали несколько часов... Мы же 20 лет провели порознь! И ее жизнь, рассказанная мне «покадрово», была похожа на захватывающий роман. Причем приключенческий. Она была моделью, жила в Париже какое-то время. Вышла замуж за какого-то поляка. Он оказался преступным авторитетом. Бежал из Франции, бросив Гальку без копейки... Потом она перебралась в США, стала любовницей какого-то художника-наркомана, едва сама не пострадала от этой дряни... И вернулась в Москву.

— Преподаю английский в частной школе, платят неплохо! — закончила свою захватывающую повесть Галя. — Живу тихо, даже замкнуто.

— Ну и ну! — выдохнула я. — На твоем фоне я вела такую скучную жизнь! Развод, диссертация, новый брак, и все, собственно...

— Я после всех своих приключений именно о такой жизни и мечтаю! — засмеялась Галка. — Так ты

уже не с Павлом? До меня только сейчас дошло! Ты замужем за другим?

— Мы с Пашкой развелись через полтора года. Детский брак, сама понимаешь... Надолго не хватило нашей страстной любви. А потом я решила, что никаких замужеств... И вообще романов! Буду делать карьеру. Встану на ноги...

— И получилось? — Галя смотрела на меня внимательно и слегка насмешливо.

— Да вроде... — я смутилась от ее взгляда. — Замуж я вышла уже кандидатом наук, имея престижную работу. И всего 6 лет назад. Он, кстати, вот-вот должен вернуться из командировки... Надеюсь, ты его застанешь.

— Но уже поздно! — возразила она. — Боже, почти 11 часов! Вызовем такси?

Я не заметила ничего тревожного, пока однажды Женька не сказал мне, нежно накрыв своей ладонью мою руку: «Знаешь, я, наверное, поживу в квартире при офисе какое-то время. Мне нужно подумать...» — «О чем? — меня словно обухом по голове ударили. — Почему в офисе?» — «О нас, — он отвел глаза. — Я, кажется, полюбил другую». — «Какую другую? — глупо спросила я. — Ты мне изменил?»

— А знаешь, оставайся у меня! — я умоляюще вцепилась в ее плечо. — Не уходи! Места у нас полно... Мы ведь так давно не виделись.

Она осталась. И когда в час ночи приехал из аэропорта Женя, мы еще не спали — куда там! Мы открыли очередную бутылку вина и хохотали как безумные, вспоминая какие-то свои детские проказы. Муж вошел тихо, мы заметили, что он удивленно на нас смотрит из передней. Женя никогда не видел, чтобы я была так весела и... пьяна. Вообще-то я обычно ограничиваюсь парой бокалов. А тут он со смехом показал выпитые нами три бутылки.

— Ну и что! У меня праздник! Нашлась подруга, которая пропала 20 лет назад! А правда, она красивая? — дурачилась я.

— Да, правда, — серьезно ответил Женя.

— Ну хватит, ты напилась! — смущалась Галка.

Мы сидели теперь уже втроем до утра. Легли, мне кажется, когда рассвело. И я спала с таким слад-

ким чувством полноты жизни, какое бывает только в детстве. Утром я застала мужа и Гальку за кофе. Они о чем-то очень серьезно говорили и, как мне показалось, смутились оба, когда я вошла. «Наверное, говорили обо мне!» — мелькнула у меня мысль, но совсем не настораживающая, а скорее веселая.

Женя отвез ее домой, мы условились, что заедем за ней на следующей неделе по пути на дачу, чтобы там отметить приближающийся день рождения мужа. Мы довольно часто встречались тем летом. Я не заметила ничего тревожного, пока однажды Женька не сказал мне, нежно накрыв своей ладонью мою руку:

— Знаешь, я, наверное, поживу в квартире при офисе какое-то время. Мне нужно подумать...

— О чем? — меня словно обухом по голове ударили. — Почему в офисе?!

— О нас, — он отвел глаза. — Я, кажется, полюбил другую.

— Какую другую? — глупо спросила я. — Ты мне изменил?

— Нет, еще нет, — он горько усмехнулся. — Она не хочет вступать в отношения за спиной у тебя...

— Она? — у меня голос пропал от волнения. — Кто она?

— Галя, — произнес он тихо. — Я люблю Гальку. И думаю, что нам придется развестись... Я не смогу без нее жить.

Я не стану рассказывать, что было дальше. Все как обычно: скандалы, слезы, развод, тяжелая депрессия... Потом принятие. И мы даже смогли установить этикетные дипломатические отношения с Женькой. Иногда перезваниваемся. А Галя... Я не могу простить ее. Хотя она и не виновата, умом я понимаю. Так было написано на роду! Цыганка была права.

Татьяна П., г. Москва